

УДК 821.161.1

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-2-201-210

Роман П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя» в спиритической перспективе

О. В. Устимов

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

✉ lacedaemon37@gmail.com

Аннотация. Актуальность работы связана с перспективным направлением изучения влияния неклассических теологий на поэтику литературных текстов постромантической эпохи. В данной статье изучается спиритическая поэтика романа П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя». Культурно-исторический метод позволяет определить место спиритических воззрений и практик в культуре и литературе XIX века, в сознании социума и авторов художественных текстов. В статье анализируются особенности репрезентации представителей спиритического движения в романе П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя». С помощью сравнительного метода производится сопоставление репрезентации спиритов у Боборыкина и у современных ему авторов – И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского. Если для Тургенева и Толстого увлечение спиритизмом является очередным признаком безделья и бессмысленности жизни аристократии (а в случае Толстого еще и поводом показать превосходство крестьян над ней), то для Достоевского спиритизм открывает особенности соотношения веры и факта для человека, что позволило ему вывести понятие «истинного реалиста» Алеши в «Братьях Карамазовых», а для Боборыкина – альтернативной системой ценностей, позволяющей пересмотреть свои моральные и интеллектуальные взгляды при соотнесении с ней. Выявленные различия позволяют установить индивидуальные особенности воззрений каждого из выбранных авторов. Семиотический метод позволяет проследить особенности конструирования поэтики художественных текстов и ту роль, какую спиритизм играет в нем. Религиозно-философские воззрения Аллана Кардека, включающие в себя веру в эволюцию души через ряд реинкарнаций, которой можно добиться под руководством помогающих душ более высокого уровня развития, оказываются способом организации структуры романа П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя», основанием динамики его сюжета и связи персонажей. Спиритизм также играет роль в особенностях гендерной проблематики романа, что подтверждается внетекстовыми свидетельствами автора. Результаты исследования могут быть применены при изучении истории русской литературы и социологии религии.

Ключевые слова: П. Д. Боборыкин, «Жертва вечерняя», Л.Н. Толстой, «Плоды просвещения», Аллан Кардек, спиритизм, медиумизм, эмансипация, поэтика, актантная формация, актант.

Для цитирования: Устимов О. В. Роман П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя» в спиритической перспективе. *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, №2. С. 201–210. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-2-201-210

A spiritualist perspective on the novel "The Evening Sacrifice" by Pyotr Boborykin

O. V. Ustimov

Voronezh State University, Voronezh, Russia

✉ lacedaemon37@gmail.com

Abstract. The relevance of the work is related to the promising direction of studying the influence of non-classical theologies on the poetics of literary texts of the post-Romantic period. The article examines the spiritual poetics of P.D. Boborykin's novel "The Evening Sacrifice". The cultural-historical method allows us to determine the place of spiritual views and practices in the culture and literature of

the 19th century, in the consciousness of society and the authors of literary texts. The article analyses the peculiarities of the representation of members of the spiritualist movement in P.D. Boborykin's novel "The Evening Sacrifice". The comparative method is used to compare the representation of spiritualists in Boborykin's novel with that of his contemporaries – I.S. Turgenev, L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky. If for Turgenev and Tolstoy, the fascination with spiritualism is another sign of the idleness and meaninglessness of the aristocracy's life (and in Tolstoy's case, it is also an occasion to show the superiority of peasants over it), then for Dostoevsky, spiritualism reveals the peculiarities of the relationship between faith and fact for a person, which allowed him to deduce the concept of "true realist" Alyosha in "The Brothers Karamazov", and for Boborykin it is an alternative value system that allows one to reconsider their moral and intellectual views by comparing them with it. The revealed differences allow us to establish the individual characteristics of the views of each of the selected authors. The semiotic method allows us to trace the features of the construction of the poetics of literary texts and the role that spiritualism plays in it. Allan Kardec's religious and philosophical views, which include faith in the evolution of the soul through a series of reincarnations, which can be achieved under the guidance of helping souls of a higher level of development, turn out to be a way of organising the structure of P.D. Boborykin's novel "The Evening Sacrifice", the basis for the dynamics of its plot and the connection of characters. Spiritualism also plays a role in the specifics of the novel's gender issues, which is confirmed by the author's out-of-text testimonies. The results of the research can be applied in the study of the history of Russian literature and the sociology of religion.

Keywords: P.D. Boborykin, "The Evening Sacrifice", L.N. Tolstoy, "Fruits of Enlightenment", Allan Kardec, spiritualism, mediumism, emancipation, poetics, actant formation, actant.

For citation: Ustimov OV. A spiritualist perspective on the novel "The Evening Sacrifice" by Pyotr Boborykin. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 2. Pp. 201–210. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-2-201-210

Введение

В первое десятилетие XXI века интерес исследователей к маргинальным идеологиям, верованиям и социальным группам подтолкнул исследователей культуры и, в частности, литературы, к тому, чтобы пересмотреть роль этих практик в формировании магистральной линии культуры. Одной из таких практик являлся спиритизм. Он не раз становился предметом исследования для различных гуманитарных наук: например, книги «The Machine and the Ghost» [1] для исследователей медиа и «Ghosts of Futures Past» [2] для исследователей интеллектуальной истории. Авторы литературоведческих работ этого направления чаще всего обращались к исследованию влияния спиритизма на национальную литературу (в основном – Англии и Америки: «The Dark Circle» [3] и «Ghostly Communion» [4] соответственно) или на литературу какой-то социальной группы (феминистская перспектива в книге «Spiritualism and Women's Writing» [5]). Основной работой на материале русской литературы является книга И. Виницкого «Ghostly Paradoxes» [6], в которой Виницкий разбирает отдельно по главам влияние спиритизма на творчество Н. П. Вагнера, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и Н. С. Лескова. В данной работе мы бы хотели представить исследование роли спиритизма в поэтике романа П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя».

Общество спиритов в сюжете «Жертвы вечерней»

Роман П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя», несмотря на имевшуюся у него на протяжении некоторого времени вскоре после публикации популярность, вызванную скандальностью его содержания [7], на данный момент слабо изучен и не входит в список читаемых русских романов XIX века. «Жертве вечерней» посвящена глава в монографии С. И. Щеблыкина о романном творчестве П. Д. Боборыкина [8], а также несколько статей, исследующих переключки между этим романом и произведениями Л. Н. Толстого [9] и Ф. М. Достоевского [10] и гендерную проблематику романа (основную для него) [11].

Вкратце изложим содержание произведения: роман представляет собой дневник молодой вдовы, по вечерам описывающей события прошедшего дня или нескольких дней. Главная героиня страдает от безделья и суеты высшего общества, пока не встречает литератора в возрасте по фамилии Домбрович и не вступает с ним в два типа отношений: учитель-ученик и сексуальные. Из этих отношений героиню вырывает кузен Степан и отдает ее на исправление в благотворительную культообразную женскую организацию, к которой вдова через некоторое время охладевает. Затем героиня удаляется на дачу вместе со Степаном и начинает развиваться под его влиянием, через какое-то время знакомится с его другом и перед самым моментом перехода к этому другу (ученически и романтически) кончает жизнь самоубийством, устав от подобного модуса бытия.

В целом можно сказать, что двумя ключевыми словами, описывающими поэтику романа, являются «развитие» и «перерождение». Героиня, Марья Михайловна, проходит путь, состоящий из нескольких аксиологически и онтологически радикально отличных периодов: праздная и бесцельная светская жизнь, распутная и интеллектуальная литературоцентричная жизнь, самоотверженная и душеспасительная сектантская жизнь, семейственная и уединенная воспитательная жизнь. Каждый из этих периодов, за исключением первого, складывается из развития в заданной парадигме и разочарования в ней.

Если смотреть на структуру романа в этой перспективе, то одна из сцен первой части (и первой жизни) приобретает особое значение в романе. Это сцена – посещение общества спиритов: «Была я опять у Елены Шамшин. Она совсем потерянная. Пригласила она меня ехать к ее сестре. Мне не хотелось; но она такая жалкая. Я поехала. Попала я ни больше ни меньше как на заседание. Все их семейство занимается спиритизмом» [12, с. 63]. Случайно попав на спиритическое заседание, Марья Михайловна начинает наблюдать и анализировать то, что она там видит и слышит, а вечером, записывая все это в дневник, размышляет над полученной информацией (по такой схеме строится весь роман). Эта сцена при ближайшем рассмотрении оказывается многоуровневой и многозначной, и она может выступать в роли ключа к поэтике всего романа.

Спиритизм как симптом

Ближайшим образом смысл этой сцены заключается в том, что она выступает знаком праздности и глупости высшего общества, отличающегося одновременно суеверностью, сенсационностью, тягой к слухам и комичностью. В таком значении и с такой функцией спиритизм регулярно встречается в русской литературе, начиная с 1860-х годов.

В качестве первого примера можно привести роман И. С. Тургенева «Дым», написанный примерно в одно время с «Жертвой вечерней».

Главный герой романа оказывается странником, блуждающим между двумя противопоставленными мирами – миром высшего русского общества, отдыхающего в Бадене, и миром русских социалистов-нигилистов, устраивающих политические дискуссии там же. Бессмысленными и эфемерными оказываются оба мира – и высший, и низший; и аристократия, и революционеры. Спиритизм в этом романе выполняет только одну функцию – показывает эту бессмысленность и эфемерность жизни и деятельности одного из двух миров – аристократии.

На один из вечеров, на котором собирается русское высшее общество, приглашают спирита для развлечения: «господин этот также верил в спиритизм, но, сверх того,

занимался пророчеством и, на основании апокалипсиса и талмуда, предсказывал всякие удивительные события; ни одно из этих событий не совершалось – а он не смущался и продолжал пророчествовать» [13, с. 334]. Пророчества и спиритизм не работают и ни к чему не ведут и именно благодаря этому идеально встраиваются в жизнь праздной аристократии, поскольку в ее жизни ничто не работает и ничто ни к чему не ведет. От праздной деятельности совершается переход к праздному любопытству – «Графиня Лиза, дама весьма суеверная и склонная ко всему чрезвычайному, натолковавшись досыта с белокурым спиритом об Юме, вертящихся столах, самоиграющих гармониках и т. п., кончила тем, что спросила его, существуют ли такие животные, на которые действует магнетизм» [13, с. 335] – и затем следует комедийная сцена гипнотизирования рака.

На этом уровне спиритизм в «Жертве вечерней» работает тем же образом. Спиритизм ассоциируется со слухами: «Кто-то мне рассказывал, что английская королева занимается спиритизмом» (цит. по изданию 1993 г., поскольку в издании 1885 г. этот фрагмент по неизвестной причине отсутствует) [14]; с нелепой театральностью: «Сестра Елены вытаращила глаза, начала произносить какую-то молитву на французском языке. Все поникли головами. Эффект был самый глупый» [12, с. 64]; с аристократической праздностью: «И все эти люди не безумные же! Кроме спиритизма есть у них и другие занятия... Не знаю... От безделья да от скуки кидаются у нас в Петербурге на такие нелепости...» [12, с. 66].

Другим примером может послужить то, как использовал в своем творчестве спиритизм Л. Н. Толстой. В похожем смысле, но в иной диспозиции спиритизм возникает в романе «Анна Каренина», где Толстой устами своего героя Левина заявляет, «что эти вертящиеся столы доказывают, что так называемое образованное общество не выше мужиков. Они верят в глаз, и в порчу, и в привороты, а мы...» [15, с. 66]. Высшее общество Толстым противопоставляется крестьянам, «мужикам», а спиритизм оказывается аналогом крестьянских суеверий – как иной по форме, но аналогичный по функции предрассудок.

Десять лет спустя в своей комедии «Плоды просвещения», где спиритизм выступает одной из центральных тем, Толстой, сохранив структуру этой оппозиции, более четко обозначит ее моральные оценки. Общую оппозицию задает герой Толстого Федор Иванович: «Народные суеверия, грубые, истребляются, суеверия домовых, колдунов, ведьм... А ведь если вникнуть, ведь это такое же суеверие. Ну, разве возможно это, чтобы души умерших и говорили бы и на гитаре играли бы? А дурачит их кто-нибудь или сами себя» [16, с. 191]. В этом тексте представители второй стороны оппозиции, мужики, представлены, и им даны слова и оценки. Моральная правда, как это почти всегда бывает у Толстого, оказывается на стороне крестьян, которые, несмотря на необразованность и суеверия, требуют справедливости, а убежденный спирит Звездинцев, несмотря на свою погруженность в спиритическую тему, держит деловую хватку и не уступает крестьянам землю [16]. Если представить «мистические предрассудки» как архисему, проявляющуюся у высшего общества в виде «спиритизма», а у крестьян – в виде «суеверий», то суеверия крестьян окажутся ценностно выше и лучше. Суеверия мужиков связаны с моральной религией – христианством (один из мужиков постоянно комментирует все увиденное в аристократическом обществе фразой «О, Господи!») и народной традицией, а спиритизм является феноменом, привнесенным с Запада (отсюда постоянные ссылки на такие имена, как Крукс, Валлас и Юм) и аморальным. Как пишет Клара Голдфарб, «для Толстого в спиритизме нет двусмысленности; те, кто верят в него, морально испорчены, те, кто, как Лидия Ивановна, не проявляют сострадания или человечности к другим людям и кто может обсуждать смерть миллионов в самарской губернии в одном ряду с новейшими чудесами новейшего медиума на сцене» [17, с. 233].

Такой взгляд на мораль и спиритизм сильно отличается от взгляда в «Жертве вечерней», где главная героиня противопоставляет «благочестивых», хотя и заблуждающихся спиритов циничной и ни во что не верящей части общества, к которой принадлежит и она сама: «Религия! Но сестра Елены и все эти спириты так благочестием

и пропахли. Они только и говорят о божественном. Стало быть, можно помирить одно с другим. Уж так и быть, я еще раз отдам себя на съедение блаженной, чтоб она мне все это растолковала. Да, вот мне двадцать два года. <...> А что я знаю? Чему я верю? Всякий вот такой спиритизм, вздор, глупость, ставит меня в тупик. <...> Этак, конечно, лучше верить, не рассуждая» [12, с. 69–70].

Толстой в «Анне Карениной» и «Плодах просвещения» и Тургенев в «Дыме» используют описание спиритизма только в качестве симптома безделья и суеверия высших слоев общества (более сложным образом спиритизм фигурирует в структуре тургеневских «таинственных повестей» [18]). У Боборыкина в «Жертве вечерней» сцена собрания спиритического общества включена в событийное и смысловое развертывание романа куда более разветвленным способом.

Спиритическая поэтика

Единственным именем автора спиритических трактатов в романе оказывается имя французского спирита Аллана Кардека: «Верить, верить! Да во что же верить? Разве это религия, что ли, какая? У меня до сих пор валяется на камине книжка этого Allan Cardec’a... Там все эти глупости расписаны. Я принялась было читать – скука смертная» [12, с. 63].

Спиритизм – это зонтичный термин, обозначающий группу отдельных религиозно-философских учений, общих в некоторых своих положениях (ключевое – положение о возможности коммуникации с загробным миром), но в большинстве своем различных. Спиритизм в версии Кардека, кардекизм, выделяется из группы спиритических учений своей идеей реинкарнации. Вот как об учении Кардека пишет Конан Дойль: «Философия спиритистов отражала его уверенность в том, что духовный прогресс человечества происходит благодаря целой серии инкарнаций, которые он называет “перевоплощениями”. Духи совершенствуются благодаря тем испытаниям, которым они подвергаются в земной жизни. Но так как она – лишь миг по сравнению с бесконечностью духовной жизни, то одного пребывания в этой жизни недостаточно для полного очищения духа» [19, с. 403–404]. Далее Дойль о том, что, по мнению Кардека, дух должен пройти неопределенное число земных перерождений до полного очищения духа. «При каждом перевоплощении дух приобретает все большие познания и опыт, которые способствуют его совершенствованию. <...> То, что дух приобретает во время земного существования как в области знаний, так и в нравственной сфере никогда уже им не утрачивается» [19, с. 404].

Это описание устройства души и вселенной, в понимании Кардека, вполне может быть спроецировано (с поправкой на очевидную пародичность такой операции) на сюжет романа «Жертва вечерняя». Марья Михайловна проживает несколько радикально отличных друг от друга жизней, перечисленных выше, каждая из которых в «познании и опыте» оказывается выше предыдущей. Вскользь и пейоративно брошенное в первой части романа имя Кардека и его учение оказываются ключом к пониманию поэтики романа, заключенной в словах «перерождение» (реинкарнация) и «развитие».

Другим важным элементом спиритического учения (вообще, а не только кардекизма) является феномен медиумизма. Медиум – это человек, который устанавливает контакт с душами умерших, передавая им в пользование свои тело и разум, чтобы те могли через них говорить и действовать. Можно предположить, что именно в этой роли, роли медиума, сюжетно оказывается Марья Михайловна на протяжении всего романа, а духами, которыми она одержима, оказываются идеи и язык людей, под влияние которых она попадает. Именно так «привидение» понимает Макс Штирнер: идеи, мысли, концепции, выраженные определенными словами, суть привидения, которыми мы одержимы. Домбрович, Лизавета Петровна, Степан – все они оказываются агентами потустороннего мира, передающими через медиума Марью Михайловну свои послания. Она начинает думать их мыслями, говорить их словами (и постоянно подмечать это, вставляя комментарии вроде «это выражение Домбровича», «так говорит Степа»). А в последней

части романа, когда описывается восприятие Марьей Михайловной некоторых художественных произведений (в особенности – постановки пьесы Островского «Гроза»), она становится проводником для литературных взглядов самого Боборыкина, медиумом в фикциональном мире, дающим голос представителю реального мира – автору. Если описать актантную формацию как «устойчивые семиотические сценарии, которые задают логику текстуализации антропологических и социологических моделей, свойственных тем или иным культурам или отдельным авторам, и которые тем самым определяют правила порождения и соотнесения актантов» [20, с. 141], а актанты как «предусматриваемые такими моделями общие позиции, которые занимают в литературном тексте живые существа или субстанции, выступающие в качестве действующих лиц или объектов рефлексии» [20, с. 141], то можно вывести такую актантную формацию, как «медиумизм». Медиумической актантной формацией будет выступать такое отношение Я и Другого, в котором Я становится добровольным (активно действующим для того, чтобы стать им) проводником идей, воззрений и языка Другого. Реверсированной версией этой формации может выступать «гипнотическая», в которой Я вкладывает свои идеи, воззрения и язык в Другого с помощью своей воли.

Спиритизм и эмансипация

Еще одним компонентом, важным для понимания романа и места, занимаемого в нем спиритизмом, является гендерная проблематика в спиритических сообществах и практиках, а именно – особая роль женщин в них. Эту роль отмечает и Марья Михайловна, одновременно делая достаточно меткое наблюдение о схожести в этом вопросе между сектами и спиритами: «Так там все раскольники и в каждой деревне баба или девка – пастором, читает молитвы и проповедует. У петербургских спиритов, верно, также старые девы исправляют должность пророкиц».

Во второй половине XIX века женщины были подвержены дискриминации, у них было мало каналов для проявления своей субъективности и не так много сфер для самовыражения. Поэтому таким каналом стал спиритизм. В Англии викторианской эпохи, в Америке и континентальной Европе женщины использовали спиритизм, чтобы получить в обществе уважение и внимание. Например, они могли озвучивать свои мысли и мнения от имени духа-мужчины – так к ним скорее прислушивались [21]. (Впрочем, эмансипаторная тенденция была не единственной в отечественном спиритизме [22].)

Впрочем, хотя спиритизм частично выступил для женщин формой эмансипаторной практики, его эффективность в этой роли несопоставима с движениями суфражизма и феминизма. Возможно, слабая эффективность спиритизма в деле женской эмансипации и является причиной трагического финала (самоубийства героини) в романе «Жертва вечерняя», основным поэтическим принципом которого выступает спиритизм. В этой связи будет интересно заметить, что Боборыкин со своим романом занимает противоположную женщине-медиуму позицию, но эффект здесь тот же: женщина-медиум говорила от имени духа мужчины, а автор-мужчина говорит от имени персонажа-женщины, что в обоих случаях приводит к повышению внимания к высказыванию.

Наконец, сама форма романа – дневник – является очень популярной формой письма у спиритов. Дневники спиритов обычно состояли из трех элементов: записанные сообщения «с того света», попытки интерпретации и толкования этих сообщений и описание применения полученных сведений и наставлений в повседневной жизни (см. исследование дневника спиритки М. П. Сабуровой [21]). Такой состав сильно напоминает структуру дневника Марьи Михайловны.

Пиком популярности спиритизма как общественного феномена стала середина 1870-х годов, когда полемика вокруг этой темы заставила собрать специальную комиссию для исследования медиумических явлений. В первой половине февраля 1876 года состоялась серия спиритических сеансов, в которых приняли участие знаменитые писатели и ученые, перед которыми была поставлена задача описать и разъяснить суть увиденных

там явлений. Вместе с Ф. М. Достоевским, Н. С. Лесковым, Н. П. Вагнером и А. М. Бутлеровым в сеансах принял участие и П. Д. Боборыкин. Каждый из участников через какое-то время опубликовал свои соображения по поводу увиденного и по поводу отчета спиритической комиссии.

Некоторые из участников высказались однозначно в пользу реальности спиритических феноменов (как, например, Лесков), другие – однозначно против (как в отчете Менделеева), но два автора отвергли подобные категорические выводы и использовали свой опыт для размышлений и рассуждений о феномене медиумизма. Это были Ф. М. Достоевский и П. Д. Боборыкин. Оба они сошлись во мнении, что резкая критика Менделеева только способствует озлоблению спиритов и превращению их в секту. Но дальше каждый из них рассуждал о спиритизме по-своему.

Для Достоевского результатом его размышлений стало выведение «принципа веры»: «Лекции с такими прекрасными тенденциями всегда приятно слушать; но я думаю, что кто захочет уверовать в спиритизм, того ничем не остановишь, ни лекциями, ни даже целыми комиссиями, а неверующего, если только он вполне не желает поверить, – ничем не соблазнишь. <...> после того замечательного сеанса я вдруг догадался или, лучше, вдруг узнал, что я мало того что не верю в спиритизм, но, кроме того, и вполне не желаю верить, – так что никакие доказательства меня уже не поколеблют более никогда» [22, с. 127]. Свои выводы Достоевский позже использует при написании «Братьев Карамазовых», где их изложит рассказчик применительно к Алеше: «Истинный реалист, если он не верующий, всегда найдет в себе силу и способность не поверить и чуду, а если чудо станет пред ним неотразимым фактом, то он скорее не поверит своим чувствам, чем допустит факт. Если же и допустит его, то допустит как факт естественный, но доселе лишь бывший ему неизвестным. В реалисте вера не от чуда рождается, а чудо от веры. Если реалист раз поверит, то он именно по реализму своему должен непременно допустить и чудо» [23, с. 24–25].

Боборыкин же в своих статьях о спиритизме, опубликованных в «Санкт-Петербургских ведомостях», пробует вывести типологию спиритов. Наиболее интересным для изучения «Жертвы вечерней» оказывается гендерный аспект. Характеризуя женщин-спиритов, Боборыкин пишет: «Я думаю, что если б такого рода медиумисты могли образовать из себя организованное общество, то они непременно бы пустили в ход всякого рода затеи полуклерикальной пропаганды. Женская разновидность светского медиумизма уже и теперь преследует практическую цель, которая сказывается в забавах психографии, в беседах с душами из заоблачного мира и т. д. <...> Женщины, своей склонностью к практическим забавам медиумизма, прямо показывают, что они не желают удовлетворяться одною объективною стороною дела: стуками, движениями, или чем другим; им нужен какой-нибудь исход, какой-нибудь ближайший исход, какое-нибудь прямое применение. И пропаганда будет ими производиться, конечно, в этом направлении, вряд ли кажушим серьезную опасность для нравственного здоровья русского образованного общества» [24].

Нетрудно заметить, что Боборыкин фактически описывает здесь путь, который прошла героиня его романа «Жертва вечерняя» (от встречи с обществом спиритов к «женскому организованному обществу полуклерикальной пропаганды»), и постоянное стремление Марьи Михайловны действительно к «какому-нибудь исходу» (пусть и увенчивающемся в итоге крахом). Это позволяет сделать вывод, что благотворительно-религиозное общество Лизаветы Петровны, хотя и не описывается в тексте как спиритическое, на криптопозитическом уровне является таковым (по всем признакам, описанным Боборыкиным в статье) и выступает закономерным этапом сюжета Марьи Михайловны. Если учитывать раскрытые Боборыкиным в статье взгляды на гендерный аспект спиритизма, то вызванные полуслучайными встречами злключения Марьи Михайловны приобретут свойство необходимой последовательности.

В заключение скажем только, что из современников Боборыкина практически никто не раскрыл этот пласт его романа – за одним исключением. В 1873 г. Ф. М. Достоевский опубликует рассказ, в названии которого стоит слово, сильно напоминающее фамилию Боборыкина (и особенно его псевдоним «Боб» / «Пьер Бобо») – «Бобок». Рассказ Достоевского посвящен коммуникации покойников и с покойниками. Даже фамилия одного из персонажей Достоевского, как отмечено в комментариях к рассказу в полном собрании сочинений Достоевского, напоминает фамилию похожего по характеру персонажа «Жертвы вечерней» – Клиневич и Домбрович [25, с. 404–405]. Достоевский интуитивно, как это часто у него бывает, уловил загробный и потусторонний характер романа Боборыкина, его необычную поэтику и основу.

Заключение

Таким образом, можно сделать ряд выводов. Спиритизм в романе П. Д. Боборыкина выполняет сразу несколько функций. Во-первых, как у Тургенева и Толстого, он используется социологически для демонстрации праздного и полного мистических суеверий образа жизни высшего общества, но для героини Боборыкина, в отличие от героев Тургенева и Толстого, он выступает поводом пересмотреть собственную систему ценностей и подталкивает к изменениям и развитию. Во-вторых, спиритическая философия Аллана Кардека проливает свет на поэтику романа: подобно душе в мире Кардека, подверженной ряду реинкарнаций на пути развития, героиня Боборыкина «перерождается», проживая несколько разных жизней на пути духовного и морального развития, руководимая, как управляет душами медиум у Кардека, своими учителями. Но, замученная и усталая, она терпит крах на этом пути, что приводит нас к третьему выводу – хоть спиритизм и являлся в XIX веке эмансипаторной практикой для женщин, давая им голос и субъектность, способ организации практической деятельности и этического проповедования, он был явно недостаточен для этих целей, что и показал Боборыкин трагическим финалом своего романа.

Л и т е р а т у р а

1. Mays Sas, Matheson N. The Machine and the Ghost: Technology and Spiritualism in Nineteenth- to Twenty-First-Century Art and Culture. Manchester: Manchester University Press, 2013.
2. McGarry M. Ghosts of Futures Past: Spiritualism and the Cultural Politics of Nineteenth-Century America. California: University of California Press, 2008.
3. Good J. The Dark Circle: Spiritualism in Victorian and Neo-Victorian Fiction. University of South Florida, 2012.
4. Kucich J. Ghostly Communion: Cross-Cultural Spiritualism in Nineteenth-Century American Literature. Reencounters with Colonialism: New Perspectives on the Americas Series. Hanover, N.H.: Dartmouth College Press and the University Press of New England, 2004.
5. Kontou T. Spiritualism and women's writing: from the fin de siecle to the neo-Victorian. Palgrave MacMillan, 2009.
6. Vinitsky I. Ghostly Paradoxes: Modern Spiritualism and Russian Culture in the Age of Realism. Toronto: University of Toronto Press, 2009.
7. Сараскина, Л. И. Модный писатель в салоне и дома (версия П. Д. Боборыкина) / Л. И. Сараскина // Знамя, 1998. – № 4. – С. 205–219.
8. Щеплыкин, С. И. Романы П. Д. Боборыкина в контексте русской прозы второй половины XIX века / С. И. Щеплыкин. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. – 258 с.
9. Андреева, В. Г. «Жертва вечерняя» П. Д. Боборыкина и «Анна Каренина» Л. Н. Толстого / В. Г. Андреева // Ярославский педагогический вестник, 2013. – Т. 1. – № 4. – С. 236–242.
10. Петренко, Н. А. Творческий диалог П.Д. Боборыкина с Ф.М. Достоевским в романе «Жертва вечерняя» / Н. А. Петренко // Вопросы русской литературы, 2012. – № 21 (78). – С. 165–174.

11. Петренко, Н. А. Особенности изображения образа главной героини в романе П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя» / Н. А. Петренко // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. – № 1 (10). – С. 55–59.
12. Боборыкин, П. Д. Жертва вечерняя // П. Д. Боборыкин // Сочинения : в 12 т. – Санкт-Петербург ; Москва : Изд-во Т-ва М. О. Вольф, 1885. – Т. 5. – 388 с.
13. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. – Москва : Наука, 1981. Т. 7 : Отцы и дети : [Роман] ; Повести и рассказы ; Дым : [Роман], 1861–1867. 559 с.
14. Боборыкин, П. Д. Жертва вечерняя / П. Д. Боборыкин : Сочинения. В 3 т. Т. 1 / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С. Чупринина. – Москва : Худож. лит., 1993. – URL: http://az.lib.ru/b/boborykin_p_d/text_0090.shtml, свободный (дата обращения: 10.01.2024).
15. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений в 20 т. – Москва : Государственное издательство Художественной литературы, 1963. Т. 8. : Анна Каренина [Роман в восьми частях]. Примечания Б. И. Бурсова и Э.Г. Бабаева. – 524 с.
16. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений в 20 т. – Москва : Государственное издательство Художественной литературы, 1963. Т. 11. : Драматические произведения 1864–1910 гг. Подготовка текста комедий «Зараженное семейство» и «Нигилиста» и текстологические примечания В. С. Мишина. Примечания К. Н. Ломунова. – 618 с.
17. Goldfarb, Clare R. From Hydesville to Yasnaya Polyana: Leo Tolstoy and Modern Spiritualism. The Centennial Review, 1989;33(3):228–242.
18. Устимов, О. В. Спиритические мотивы в творчестве И. С. Тургенева (на материале «Таинственных повестей») / О. В. Устимов // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2023. – № 3(300). – С. 165–169.
19. Дойл, А. К. История спиритизма : Монография / Артур Конан Дойл [пер. с англ. М. Джурри]. – Москва : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022. – 528 с.
20. Кроо, К. Перевоплощения смысла в творчестве Достоевского: семиотические заметки : монография / К. Кроо, А. А. Фаустов, С. В. Савинков ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2022. – 395 с.
21. Раздьяконов, В. С. Духовные авторитеты секулярного века : спиритический дневник М. П. Сабуровой / В. С. Раздьяконов // Вестник ПСТГУ. Серия 1 : Богословие. Философия. – 2015. – № 6 (62). – С. 55–69.
22. Раздьяконов, В. С. Между молотом и любовью: женский спиритуализм в России конца XIX–начала XX столетия / В. С. Раздьяконов // Религиоведческие исследования. 2020. – № 1 (21). – С. 56–72.
23. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : В 30 т. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1976. – Т. 14 : Братья Карамазовы : Роман в 4 ч. с эпилогом. Кн. 1–10. – 511 с.
24. Боборыкин, П. Д. Ни взад – ни вперед / П. Д. Боборыкин // Санкт-Петербургские ведомости. – 1876. – № 82.
25. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : В 30 т. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение. – 1980. – Т. 21 : Дневник писателя, 1873; Статьи и заметки, 1873–1878. – 551 с.

References

1. Mays Sas, Matheson N. The Machine and the Ghost: Technology and Spiritualism in Nineteenth- to Twenty-First-Century Art and Culture. Manchester: Manchester University Press, 2013.
2. McGarry M. Ghosts of Futures Past: Spiritualism and the Cultural Politics of Nineteenth-Century America. California: University of California Press, 2008.
3. Good J. The Dark Circle: Spiritualism in Victorian and Neo-Victorian Fiction. University of South Florida, 2012.
4. Kucich J. Ghostly Communion: Cross-Cultural Spiritualism in Nineteenth-Century American Literature. Reencounters with Colonialism: New Perspectives on the Americas Series. Hanover, N.H.: Dartmouth College Press and the University Press of New England, 2004.

5. Kontou T. *Spiritualism and women's writing: from the fin de siecle to the neo-Victorian*. Palgrave MacMillan, 2009.
6. Vinitky I. *Ghostly Paradoxes: Modern Spiritualism and Russian Culture in the Age of Realism*. Toronto: University of Toronto Press, 2009.
7. Saraskina LI. Fashion writer in the salon and at home (P.D. Boborykin's version). *Znamya*, 1998;(4): 205–219. (in Russ.)
8. Sheblykin SI. Novels by P.D. Boborykin in the context of Russian prose of the second half of the XIX century. *G. R. Derzhavin Izd-vo TGU*, 2002:258. (in Russ.)
9. Andreeva VG. "Evening Sacrifice" by P.D. Boborykin and "Anna Karenina" by L.N. Tolstoy. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik*, 2013;1(4):236–242. (in Russ.)
10. Petrenko NA. P.D. Boborykin's creative dialogue with F.M. Dostoevsky in the novel "Evening Sacrifice". *Voprosy russkoy literatury*, 2012;21(78):165–174. (in Russ.)
11. Petrenko NA. Features of the image of the main character in P.D. Boborykin's novel "Evening Sacrifice". *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, 2016;1(10):55–59. (in Russ.)
12. Boborykin PD. *Evening Sacrifice*. Moscow: M.O. Volf Izd-vo T-va, 1885.
13. Turgenev IS. (Ed.) *Fathers and sons: [Novel]; Fathers and Sons; Novels and short stories; Dym, 1861-1867, Complete Works and letters: In 30 volumes*. Moscow: Nauka, 1981;7. (in Russ.)
14. Boborykin PD. *Evening Sacrifice*. [online] Available at: http://az.lib.ru/b/boborykin_p_d/text_0090.shtml, 1993 [Accessed 10 January 2024].
15. Tolstoy LN. (Ed.) *Anna Karenina. Collected Works: In 20 volumes*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo Hudozhestvennoy literatury, 1963;8. (in Russ.)
16. Tolstoy LN. (Ed.) *Dramatic works of 1864-1910. Collected Works: In 20 volumes*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo Hudozhestvennoy literatury, 1963;11. (in Russ.)
17. Goldfarb, Clare R. From Hydesville to Yasnaya Polyana: Leo Tolstoy and Modern Spiritualism. *The Centennial Review*, 1989;33(3):228–242.
18. Ustimov OV. "Spiritual motifs in the works of I.S. Turgenev (based on the material of "Mysterious Stories")", *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2023;3(300):165-169. (in Russ.)
19. Doyle AC. *The History of spiritualism*, Translated by Dzhurri M., Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2022. (in Russ.)
20. Kroo K, Faustov AA, Savinkov SV. *Transformations of Meaning in Dostoevsky's Work: Semiotic Notes*. Voronezh: Izdatelskiy dom VGU, 2022. (in Russ.)
21. Razdyakonov VS. "Spiritual authorities of the Secular Age: the spiritual diary of M. P. Saburova", *Vestnik PSTGU. Series 1: Bogoslovie. Filosofiya*, 2015;6(62):55–69. (in Russ.)
22. Razdyakonov VS. "Between the Hammer and love: female Spiritualism in Russia of the late 19th – early 20th century", *Religiovedcheskie issledovaniya*, 2020;1(21):56–72. (in Russ.)
23. Dostoyevskiy FM. (Ed.) *The Brothers Karamazov: A novel in 4 parts with an epilogue. Complete Works: In 30 volumes*. Leningrad: Nauka. Leningradskoye Otdeleniye, 1976;14. (in Russ.)
24. Boborykin PD. "Neither back nor forth", *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*, 1876;82. (in Russ.)
25. Dostoyevskiy FM. (Ed.) *The writer's Diary, 1873; Articles and notes, 1873-1878. Complete Works: In 30 volumes*. Leningrad: Nauka. Leningradskoye otdeleniye, 1980;21. (in Russ.)

УСТИМОВ Олег Владимирович – аспирант кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы филологического факультета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж.

E-mail: lacedaemon37@gmail.com

Oleg V. USTIMOV – Postgraduate Student, the Department of History and Typology of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, Voronezh State University, Voronezh.